

ПАЛЛАДИЙ, ЕПИСКОП ЕЛЕНОПОЛЬСКИЙ

Лавсаик,

или Повествование о жизни
святых и блаженных
отцов

Палладий Палладий,
епископ Еленопольский

**Лавсаик, или Повествование о
жизни святых и блаженных отцов**

«Сибирская Благовонница»

1873

Палладий, епископ Еленопольский П.

Лавсаик, или Повествование о жизни святых и блаженных отцов / П. Палладий, епископ Еленопольский — «Сибирская Благовонница», 1873

«Лавсаик» – самый известный труд Палладия, епископа Еленопольского, составленный в первой половине V в. Книга повествует о подвижничестве и образе жизни блаженных святых отцов и отшельников Египта и Палестины. Подвиги их разнообразны, велики и строги. Но их объединяет одна цель – служение Богу и людям, спасение собственной души, ограждение ее от рабства греху. Текст приводится по изданию: Палладия, епископа Еленопольского, Лавсаик, или Повествование о жизни святых и блаженных отцов. СПб., 1873.

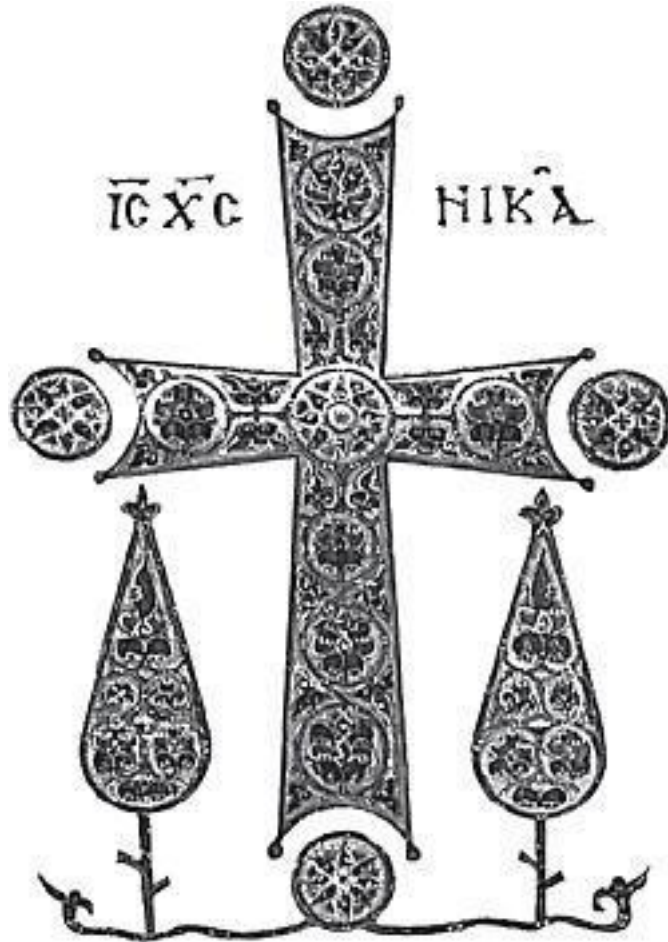
© Палладий, епископ
Еленопольский П., 1873

© Сибирская Благовонница, 1873

Содержание

Первая часть	6
Предупреждение к изданию на русском языке	6
Предисловие	7
Письмо, писанное епископом Палладием правителю Лавсу	9
Об Исидоре-странноприимце	11
О Дорофее	13
О Потамиене	15
О слепце Дидиме	16
Об Александре	17
О сребролюбивой девственнице	18
О нитрийских подвижниках	20
Об Аммуне	22
Об	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Палладий, епископ Еленопольский Лавсаик, или Повествование о жизни святых и блаженных отцов

*Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви ИС
13-311-1902*

© Издательство «Сибирская Благовонница», составление, 2014

Первая часть

Предуведомление к изданию на русском языке

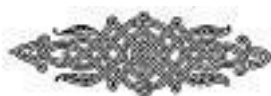
Писатель этой книги Палладий, родом галатянин, сперва путешествовал несколько лет по разным странам Египта, потом отправился в Палестину, откуда прибыл во Вифинию, где рукоположен был в епископа Еленопольского и имел близкое общение со святым Иоанном Златоустом. Но, защищая святителя от нападений врагов его, он сам принужден был скрываться одиннадцать месяцев в уединенной келье. После того был он в Риме. Все означенные путешествия Палладия, как можно видеть из содержания книги, относятся ко времени с 388 по 404 год по Рождестве Христовом.

В продолжение этих путешествий Палладий с большим усердием собирал сведения о жизни святых и блаженных отцов и некоторых жен и собранные сведения предложил в этой книге, как сам говорит в предисловии, «для возбуждения ревности к подражанию в мужах, желающих вести жизнь небесную... и в пример любви к Богу для жен, хотящих украситься венцом воздержания и чистоты».

Эта книга написана по желанию и убеждению (как видно из предисловия) одного знаменитого мужа, занимавшего при императорском византийском дворе весьма важную должность,¹ по имени Лавс, поэтому и книга посвящена сочинителем ему же и по имени его получила наименование «Лавсаик».

Сократ в четвертой книге своей «Церковной истории», сказав кратко о египетских отцах, желающим более знать о них указывает на книгу, написанную Палладием, и говорит так: «Кто хочет знать, как они (отцы египетских пустынь) жили, что делали, что говорили на пользу слушающих, как им повиновались и звери, – есть особая книга, составленная монахом Палладием, учеником Евагрия. В этой книге он предложил подробные сведения о них, упоминает и о женах, по своей жизни подобных тем мужам, о коих выше сказано».

Православная Церковь дает свое свидетельство о важности этой книги для чад ее тем, что издревле постановила правилом на утрени Великого поста из числа четырех положенных чтений заимствовать два чтения из «Лавсаика» во все дни Святой Четыредесятницы, кроме суббот и воскресений.

¹ В предисловии книги Палладий называет его хранителем богопросвещенного и благочестивого царства, а в заключении – начальником при царском ложе, или постельничим.

Предисловие

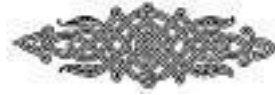

В этой книге описаны добродетельное подвижничество и чудный образ жизни блаженных и святых отцов-монахов и отшельников пустынных для возбуждения ревности к подражанию в мужах, желающих вести жизнь небесную; также описаны воспоминания о женах-старницах и богоугодных матерях, с мужественной ревностью подъявших труды добродетельного подвижничества, в пример любви к Богу для жен, хотящих украситься венцом воздержания и чистоты, описаны по желанию одного достопочтеннейшего мужа, и по уму многосведущего, и по нраву тихого, и по сердцу благочестивого, и к нуждающимся в необходимом щедрого, и за честность нравов возведенного на самый верх достоинств, предпочтительно перед многими отличными мужами, и несомненно хранимого силой Духа Божия. Он поручил нам, а лучше, если сказать правду, медлительный на созерцание лучшего ум наш возбудил к соревнованию и подражанию подвижническим добродетелям преподобных и бессмертных духовных наших отцов, поживших в угождении Богу и в великом изнурении тела, – поручил, чтобы мы, описав жизнь непобедимых подвижников, послали это описание к нему с изображением строгих добродетелей каждого из этих великих мужей. Любитель этого богоугодного и духовного желания есть отличнейший муж Лавс, по воле Божией поставленный хранителем богопросвещенного и благочестивого царства.

Я, и необразованный языком, и слегка только вкусивший духовного знания, и недостойный описывать духовную жизнь святых отцов, убоившись важности поручения, превышающего мои силы, не хотел было принять его, так как оно требует и внешней мудрости, и духовного ведения, но, уважив, во-первых, добродетельную ревность побудившего нас к сему труду, приняв также во внимание и пользу читателей и боясь подвергнуться опасности даже за благовидное непослушание, я приписал наперед это важное поручение Промыслу Божию и, употребив со своей стороны великое тщание, окрыляемый предстательством святых отцов, вступил в подвиги сего поприща. Однако ж описал, как бы в сокращении, только самые высокие дела и знамения доблестных подвижников и великих мужей, и не только знаменитых мужей, проводивших отличную жизнь, но и блаженных и честных жен, подвизавшихся в высоком житии. Священнолепные лица некоторых из них удостоился я видеть сам лично, а небесную жизнь других, уже совершившихся на поприще благочестия, узнал от богоносных подвижников Христовых. Для благочестивой цели с великим усердием обошел я пешком многие города и весьма многие села, также пещеры и все пустынные кущи иноков. И после того, как иное сам я увидел и описал, а другое услышал от святых отцов, изобразив в этой книге подвиги великих мужей и упованием на Христа победивших природу жен, посылаю это описание к любящему слово Божие слуху твоему, украшение наилучших и боголюбезных мужей и слава вернейшего и боголюбезного царства, искренний и хрис толюбивый раб Божий Лавс!

Со свойственной мне краткостью начертал я знаменитое имя каждого из подвижников Христовых, мужей и жен, потом из многих и весьма великих подвигов каждого рассказал только о немногих и весьма кратко, а у большей части из них означил и происхождение, и город

(отечественный), и место жительства. Упомянул я и о тех мужах и женах, которые, достигнув самой высокой добродетели, по высокомерию и тщеславию низверглись в самую глубокую бездну, на дно адово, и приобретенные долговременными и многими трудами достолюбезные и великих усилий стоившие совершенства подвижнические, от гордости и надмения потеряли в одно мгновение, но благодатью Спасителя нашего, и попечительностью святых отцов, и состраданием духовной любви исхищены из сетей диавола и по молитвам святых возвратились к прежней добродетельной жизни.

Письмо, писанное епископом Палладием правителю Лавсу

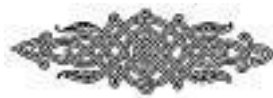
Хвалю твое желание; ты достоин, чтобы начать письмо к тебе похвалой, потому что, когда все заняты суетными вещами, от которых не получают они пользы, ты собираешь книги и хочешь учиться. В учении не нуждается один только Бог всяческих, ибо Он самобытен и другого не было прежде Него, а все прочее имеет нужду в учении, потому что сотворено и создано. Первые чины ангельские имеют своим наставником Всевышнюю Троицу, вторые поучаются у первых, а третьи – у вторых и так далее по порядку, до последних. Совершеннейшие в знании и добродетели учат несовершенных в познании.

Итак, думающие о себе, что не имеют нужды в наставниках, недугуют невежеством, которое есть мать гордости, поэтому они не покоряются тем, кои с любовью учат их. Таким людям предшествуют на пути к погибели за этот же недуг изринутые из небесного жительствова демоны, так как и они отвергли небесных наставников.

Но предмет учения должны составлять не слова и складки – такое учение бывает иногда и у самых худых людей, – а добрые качества нрава: беспечалие, безбоязненность, негневливость и дерзновение во всем, которое и слова делает пламенем огненным. Если бы не так было, Великий Учитель не сказал бы Своим ученикам: *Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем* (Мф. 11, 29). Он учил апостолов не красноглаголанием, а благим нравом и никого не огорчал, кроме ненавидевших учение и учителей.

Итак, душа, которая подвизается о Хрис те, должна или сама верно изучить то, чего она не знает, или других ясно учить тому, что узнала. Если она не делает ни того, ни другого, то болит неразумием. Начало отпадения – пресыщение наставлением и отвращение от учения,

которого всегда алчет душа боголюбивого. Прощай и будь здоров, а что всего больше – да дарует тебе Бог познание Христово.

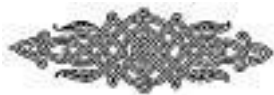
Об Исидоре-странноприимце

Сначала пришел я в город Александрию, во второе консульство великого царя Феодосия (ныне за свою правую веру во Христа пребывающего со Ангелами), и в этом городе встретил мужа дивного по жизни, украшенного всеми совершенствами – и словом, и нравом, и ведением. То был пресвитер Исидор, странноприимец Александрийской Церкви. Первые годы юности, говорят, провел он в пустыне в трудах подвижничества. Видел я и келью его в горе Нитрийской. Ему было лет семьдесят, когда я пришел к нему. Проживши еще пятнадцать лет, он скончался в мире.

Этот святой муж до самой кончины своей не носил льняной одежды, кроме покрывала на голове, не ходил в баню, не касался мяса, никогда не вкушал пищи до сытости. А между тем, по милости Божией, тело его было так полно, что все, кто не знал жития его, думали, что он живет весьма роскошно. Если бы стал я рассказывать подробно о каждой добродетели, то у меня не хватило бы времени для рассказа. Он был так кроток, человеколюбив и миролюбив, что самые враги его, которых он имел по причине своей правой веры во Христа, уважали, можно сказать, тень сего мужа за чрезвычайную его доброту. А духовную благодать святой муж этот имел столь великую и такое ведение Священного Писания и разумения божественных догматов, что даже во время трапезы, в часы, когда с братией, по обыкновению, принимал пищу, ум его приходил в восторг и уединял его. Когда его просили рассказать, что было во время этого восторга, он говорил: «Я странствовал мыслью, быв восхищен таким-то созерцанием». Я и сам часто видел, как он плакал во время трапезы. На вопрос мой о причине слез он отвечал: «Стыдно мне, разумному созданию, питаться бессловесной пищей; мне бы следовало быть в раю сладости и там насыщаться нетленной снедью по данной нам от Христа власти».

В Риме он был известен всему сенату и женам вельмож с того времени, как приходил туда сперва с Афанасием Великим, а потом со святым Димитрием, епископом. Хотя он имел большое богатство и изобилие в потребностях житейских, но перед смертью не написал завещания. И сестрам своим, девицам, не оставил ни денег, ни вещей, а поручил их Христу с такими словами: «Бог, сотворивший вас, дарует вам и потребное для жизни, как и мне даровал». С сестрами жили в одной обители семьдесят дев.

О Дорофее

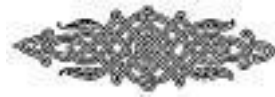
Когда еще в молодости я пришел к Исидору и просил преподать мне первоначальное наставление в монашеской жизни, – между тем как мне, по пылкости возраста, нужны были не слова, а труды телесные и изнурение плоти, – он, как искусный укротитель молодых коней, выведши меня в так называемые пустынные кельи верст за пять от города, поручает Дорофею, одному подвижнику Фивейскому, жившему около шестидесяти лет в пещере, и приказывает мне пробыть при нем три года для укрощения страстей моих (он знал, что старец этот ведет самую суровую жизнь), а по истечении трех лет опять возвратиться к нему для дальнейшего духовного наставления. Но я не мог прожить у него трех лет: сильная болезнь заставила меня оставить его раньше определенного срока. Жизнь его была самая суровая, многотрудная и строгая. Целый день, и в самый зной полуденный, собирая камни в пустыне приморской, он постоянно строил из них кельи и потом отдавал их тем, которые сами не могли строить, и таким образом каждый год строил по келье. Однажды я сказал сему святому мужу: «Что ты делаешь, отец, в такой старости убивая свое тело на жару такими трудами?» Он отвечал мне: «Оно убивает меня, а я буду убивать его». Съедал он унций² шесть хлеба в день и связочку овощей да выпивал немного воды. Бог свидетель, не видывал я, чтобы он протянул ноги или лег спать на рогоже или на постели – всю ночь, бывало, сидит и вьет веревки из финиковых ветвей, из которых плел корзины на покупку хлеба себе. Думал я, что, может быть, он при мне только начал вести такую строгую подвижническую жизнь, и тщательно стал расспрашивать у многих учеников его, всю ли жизнь он так подвизается (из них иные жили отдельно друг от друга и сами уже славились добродетелью). Они говорили мне, что он с юности жил так, никогда не ложился спать, а только разве во время работы или за столом смыкал на несколько минут глаза, так что от дремоты и кусок иногда выпадал у него изо рта. Однажды я понуждал сего святого мужа прилечь немного на рогожу; он огорчился и сказал мне: «Уговори сперва Ангелов, чтобы они уснули когда-нибудь, тогда уговоришь и ревностного подвижника».

Однажды он послал меня часу в девятом на свой колодезь налить кадку, из которой все брали воду. Было уже время обеда. Пришедши к колодезю, увидел я на дне его аспида³ и, в испуге не начерпавши воды, побежал к нему с криком: «Погибли мы, авва! На дне колодезя я

² Унция – мера веса (в России – 29,86 г), применявшаяся до введения метрической системы мер.

³ Аспиды – семейство ядовитых змей (кобры, ехидны и др.).

видел аспида!» Он усмехнулся скромно, потому что был ко мне весьма внимателен, и, покачивая головою, сказал: «Если бы дьяволу вздумалось набросать аспидов, или змей, или других ядовитых гадов во все колодцы и источники водные, ты не стал бы вовсе пить?» Потом, вышедши из кельи, он сам налил кадку и первый тотчас испил воды, сотворивши крестное знамение над нею и сказав: «Где крест, там ничего не может злоба сатаны».

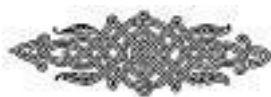

О Потамиене

Блаженный Исидор-странноприимец рассказывал мне, что он, быв у святого и блаженного Антония, слышал от него нечто такое, что стоит записать. Именно: одна прекрасная лицом девица, Потамиена, во время Максимиана-гонителя была рабой у какого-то сластолюбца. Господин долго старался обольстить ее различными обещаниями, но не мог. Наконец, пришедши в ярость, он представил ее тогдашнему александрийскому префекту как христианку, которая хулит настоящее правительство и царей за гонения, и обещал ему довольно денег за наказание ее. «Ежели ты, – говорил он, – убедишь ее согласиться на мое желание, то не предавай ее истязанию, но если она по-прежнему будет оставаться непреклонной, умори ее в мучениях». «Пусть же, – говорил он, – живая не смеется над моей страстью».

Привели мужественную девицу пред судилище и начали терзать тело ее разными орудиями казни, в то же время и уговаривали ее различными словами, но она оставалась непоколебимой в своей душе, как стена. Тогда судья избирает из числа орудий казни самое страшное и мучительное: он приказывает наполнить большой медный котел смолой и поджечь его сильнейшим огнем. Когда смола стала клокотать и кипеть, безжалостный судья обращается к блаженной девице и говорит: «Или ступай покорись воле твоего господина, или знай – я прикажу бросить тебя в этот котел». Потамиена отвечала: «Можно ли быть таким несправедливым судьей, чтобы приказывать мне повиноваться сладострастию?» Разъяренный судья повелевает раздеть ее и ввергнуть в котел. Тогда она вскрикнула и сказала: «Заклинаю тебя жизнью императора, которого ты боишься, прикажи по крайней мере не раздевать меня, если ты уже присудил мне такую казнь, а вели понемногу опускать в смолу, и ты увидишь, какое терпение даровал мне Христос, Которого ты не знаешь». Таким образом, ее понемногу опускали в котел в продолжение часов почти трех, пока она не испустила дух, как скоро смола уже захватила у нее горло.

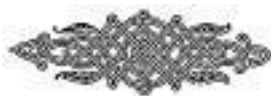
О слепце Дидиме

В Церкви Александрийской тогда было много святых мужей и жен, усовершенствовавшихся в добродетели и достойных наследовать «землю кротких». В числе их подвизался и блаженный писатель Дидим, совсем слепой. Я сам видел его раза четыре, когда лет десять тому назад ходил к нему. Он скончался восьмидесяти пяти лет. Слепцом сделался он, как сам мне рассказывал, еще на четвертом году, грамоте не учился и никаких учителей не знал. Природный ум был для него верным наставником. Он украсился такой благодатью духовного ведения, что на нем самым делом исполнилось сказанное: *Господь отверзает очи слепым* (Пс. 145, 8). Книги Ветхого и Нового Завета знал он все до слова, а догматы изучал так тщательно и учение, в них содержащееся, излагал так тонко и основательно, что ведением превзошел всех древних.

Однажды он заставлял меня сотворить молитву в своем доме и, так как я не хотел, то он рассказал мне вот что: «В эту келью три раза входил блаженный Антоний посетить меня, и, когда я предлагал ему сотворить молитву, он тотчас преклонял колена в этой самой келье, не дожидаясь, чтобы я повторил приглашение. Так он научил меня послушанию самым делом. И ты, если последуешь его житию, как монах и пришелец ради добродетели, брось всякое упрямство».

Он же рассказывал мне следующее: «В один день я размышлял о жизни гонителя, несчастного царя Юлиана. Мне так было грустно от этих мыслей, что я ничего не вкушал до позднего вечера. И вот, сидя на скамье, заснул я и вижу в видении: мимо меня скачут на белых конях всадники и кричат: «Скажите Дидиму – сего дня, в седьмом часу, Юлиан скончался; встань и ешь и пошли весть епископу Афанасию на дом, чтобы и он узнал об этом»». «Я заметил, – сказал Дидим, – час и день, неделю и месяц. Так и оказалось».

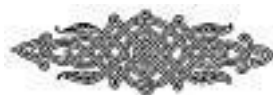
Об Александре

Рассказывал мне этот писатель Дидим об одной служанке по имени Александра. Оставив город, она заключилась в гробнице и получала что нужно через отверстие, а сама десять лет не показывалась на глаза ни мужчинам, ни женщинам. В десятое лето почив, эта блаженная, говорят, сама себя приготовила к погребению. Женщина, которая к ней ходила, пришедши по обыкновению, не получила ответа и сказала нам об этом. Мы отправились, открыли вход в пещеру гроба, вошли туда и увидели, что она почила.

Говорила нам о ней и приближенная Мелания Римляныня, о которой в свое время и в своем месте расскажу. «Не могла я, – говорит она, – видеть эту блаженную, но, ставши у отверстия, просила ее открыть причину, по которой оставила она город и заключила себя во гробе. Она отвечала мне через отверстие: “Один человек сходил с ума по мне. Чтобы не огорчать и не бесчестить его, я лучше решилась заключить себя живой в этой гробнице, нежели соблазнить душу, созданную по образу Божию”. Когда я сказала ей: “Как же ты, раба Христова, выносишь это, что совсем никого не видишь, а одна ратуешь против скорби и помыслов?” – она отвечала: “С самого утра часа до девятого я молюсь и с час пряду лен, в остальные часы припоминаю себе сказания о вере святых отцов и патриархов, о подвигах блаженных апостолов, пророков и мучеников. Когда наступает вечер, я, принеся славословие Господу моему, ем свою долю хлеба, а ночь всю провожу в молитве, ожидая конца своего, когда разрешусь отселе с благой надеждой и явлюсь лицу Христову”».

Расскажу теперь и о тех, которые, имея вид благочестия, жили в небрежении о душе своей, – расскажу к похвале усовершенствовавшихся в добродетели и для предостережения читателей.

О сребролюбивой девственнице

В Александрии была одна девственница – впрочем, по имени только, ибо хотя имела наружность смиренную, но в душе была скупа, сварлива и до крайности пристрастна к деньгам, больше златолюбивая, нежели христолюбивая. Из своего имущества никогда не подавала она ни одного овола⁴ ни страннику, ни бедному, ни монаху, ни девственнице, ни несчастному, ни в церковь. Несмотря на многие увещания святых отцов, она не свергала с себя тяжести богатства. Были у нее и родные, и она взяла к себе на воспитание дочь сестры своей. Ей-то день и ночь обещала она свое имущество, отвергнувшись сама небесной любви. Это и есть одно из обольщений диавола, что он порождает в человеке недуг любостяжания под предлогом родственной любви. О родстве у него совсем нет заботы – это видно из того, что он научил братоубийству, матереубийству и отцеубийству, как известно из Священного Писания. Иногда кажется, он побуждает пещись о родных, но делает это не по благорасположению к ним, а для того, чтобы увлечь душу к несправедливому делу, верно зная сказанное – *несправедливые Царствия Божия не наследуют* (1 Кор. 6, 9). Кто водится духовным разумением и Божественной любовью, тот может, и не оставляя попечения о своей душе, помогать родным в нуждах их и доставлять им различные пособия, но кто всю душу свою поработил заботе о родных, тот подлежит суду закона за то, что мало ценил свою душу. И священный псалмопевец Давид так поет о тех, которые пекутся о душе в страхе Божиим: *кто взойдет на гору Господню, или кто встанет на святом месте Его? Тот, у кого руки неповинны и сердце чисто, кто не клялся душой своей напрасно* (Пс. 23, 3–4). А приемлют всеу душу свою те, кои думают, будто она разрушается вместе с этой плотью, и не радеют о добродетелях духовных.

Эту девственницу, носившую только имя девственницы, а нравом чуждую подвижничества, захотел излечить от недуга любостяжания святейший Макарий, пресвитер и надзиратель богадельни для увечных, и придумал следующее средство. Надобно заметить, что в молодости своей он обдeldывал камни. Вот он, пришедши к ней, говорит: «Попались мне дорогие камни – изумруды и яхонты; краденые они или купленные, не умею сказать, только эти камни – бесценные. Хозяин продает их за пять сотен червонцев. Если тебе угодно купить их, дай мне эти деньги. Камни ты можешь употребить на наряды для своей племянницы». Девственница, всей

⁴ Овол – мелкая монета.

душой привязанная к племяннице, обрадовавшись случаю нарядить ее, падает в ноги Макарию и говорит: «Сделай милость, не отдавай их никому!» Святой муж приглашает ее к себе. «Дойди, – говорит, – до моего дома и посмотри камни». Но она не захотела этого и тут же отдала ему пять сотен червонцев, говоря: «Прошу тебя, достань их как хочешь: мне не хочется видеться с человеком, который продает их». Святой Макарий, взяв от нее пять сотен червонцев, употребил их на нужды богадельни.

Прошло много времени, а девственница стыдилась напомнить ему о камнях, потому что этот муж пользовался в Александрии большим уважением, как старец весьма благочестивый и милостивый (он жил около ста лет, и я еще застал его в живых). Наконец, нашедши его в церкви, говорит ему: «Что ж те камни, за которые мы дали пять сотен червонцев?» Он отвечал ей: «В тот же самый день, как ты дала мне деньги, я и заплатил их за камни, и, если хочешь увидеть их, пойди в мой странноприимный дом – там лежат эти камни. Посмотри, понравятся ли они тебе. В противном случае возьми свои деньги назад». Девственница пошла с радостью.

Странноприимный дом имел два отделения: в верхнем помещались женщины, а в нижнем – мужчины. Когда она пришла к дому, святой вводит ее в ворота и говорит: «Что угодно тебе сперва видеть – яхонты или изумруды?» – «Что хочешь», – отвечает она. Макарий повел ее наверх и, указывая на женщин увечных, слепых, сказал ей: «Это вот яхонты». Потом свел ее вниз и, указывая на таких же мужчин, сказал: «А это изумруды. И я полагаю, что драгоценнее этих нигде не найти. Если они не нравятся тебе, возьми свои деньги назад». Пристыженная, девственница вышла и, пришедши домой, занемогла от великой печали, потому что сделала доброе дело не по любви к Богу, а против воли. После, когда девица, о коей заботилась она, по выходе замуж умерла бездетной и когда она уже сама стала употреблять свое имущество как должно, она благодарила старца.

О нитрийских подвижниках

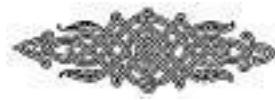
Посетив многих святых и прожив года три в монастырях около Александрии, где я видел до двух тысяч великих весьма ревностных и доблестных мужей, украшенных всякой добродетелью, оттуда я пошел в Нитрийскую гору. Между этой горой и Александрией находится озеро, называемое Мари́а. Оно простирается миль на семьдесят. Переплыв его, через полтора дня я пришел к горе со стороны полуденной; к этой горе прилегает большая пустыня, простирающаяся даже до Эфиопии, Мазиков и Мавритании. На горе живет до пяти тысяч мужей, которые ведут различный образ жизни – кто как может и хочет, так что можно там жить по одному, и по двое, и многим вместе. У них семь пекарен, в которых готовят хлеба и для себя, и для отшельников, удалившихся в большую пустыню, числом до шестисот.

Прожив в этой горе целый год и получив великую пользу от блаженных и преподобных отцов, каковы Арсисий Великий, Путуваст, Агион, Хроний и Серапион, я, возбужденный многими их рассказами о древнейших духовных отцах, пошел в самую глубину пустыни.

В этой горе Нитрийской только одна церковь, весьма обширная. Подле церкви находится странноприимный дом, в котором содержат странника во все время пребывания его в горе, хотя бы оно продолжалось два или три года, пока он не захочет оставить гору. Ему позволяют жить без дела только одну неделю, а в следующие дни ему дают дело или в саду, или в пекарне, или на поварне. Если же странник – человек знатный, то ему дают читать книги, но беседовать ни с кем не позволяют до шестого часа дня.

В этой горе живут и врачи, и аптекари. Употребляют здесь и вино и продают его. Платье себе делают все сами, своими руками, так что в этом отношении они не знают нужды. По наступлении вечера можно стать и слышать в каждой келье хвалебные песни и псалмы, воспеваемые Христу, и молитвы, воссылаемые на небеса, – иной подумал бы, что он восхищен и перенесся в рай сладости. В церковь собираются только по субботам и по воскресным дням. При этой церкви восемь пресвитеров, но, доколе жив первый пресвитер, прочие не служат, не судят и не говорят поучений, а только совосседают с ним в безмолвии.

Великий Арсисий и с ним многие другие святые старцы, которых мы видели, были современниками блаженному Антонию. Из них великий Арсисий сам мне рассказывал, что он знал и Аммуна Нитрийского, душу которого видел великий Антоний, когда ее приняли Ангелы и возносили на небо. Говорил он еще, что знал и Пахомия Тавеннского, имевшего дар пророческий и бывшего архимандритом трех тысяч мужей. О его добродетелях расскажу после.

Об Аммуне

Арсисий Великий сказывал мне, как жил Аммуна. Оставшись после родителей сиротой, он на двадцать втором году от роду принужден был своим дядей вступить в супружество. Не могли противиться настоящему требованию дяди, он решился обвенчаться, сидеть при брачном торжестве и выполнить все брачные обряды. Но, как скоро вышли все провожавшие их в брачный покой, блаженный Аммуна запирает дверь и, севши, начинает беседовать с блаженной своей супругой и говорит ей: «Приди сюда, госпожа и сестра моя, я поговорю с тобою. В браке нашем особенно хорошего ничего нет. Так хорошо мы сделаем, ежели с нынешнего же дня станем спать порознь. Сохраняя таким образом девство свое неприкосновенным, мы угодим и Христу». Вынув потом из-за пазухи Библию, он как бы от лица апостолов и Самого Спасителя начал читать ее юной девице, не знакомой с Писанием, изъясняя ей большую часть прочитанных мест своим богопросвещенным умом и наставляя ее в девственной и непорочной жизни, так что она, исполнившись благодатью Христовой, сказала: «И я, господин мой, решилась с радостью проводить святую жизнь и буду делать все, что повелишь мне». – «Я повелеваю и прошу, – отвечал он, – чтобы каждый из нас отसेле жил особо». Но это еще было тяжело для нее, и она сказала: «Останемся в одном доме, только ложе у нас будет раздельное». Так жил он с ней в одном доме лет восемнадцать.

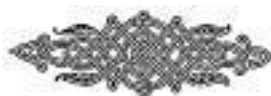
День весь работал в саду и в бальзамовой роще (он занимался добыванием бальзама). Бальзамовый куст растет так же, как виноград, и, чтобы его возделывать и ходить за ним, требуется много трудов. Вечером, пришедши домой и помолившись, он вместе с супругой вкушал пищу, потом возносил ночные молитвы и совершал молитвословия, а весьма рано утром уходил в свой сад. Когда таким образом оба они достигли бесстрастия – по молитвам святого Аммуна, – блаженная говорит ему: «Я имею нечто сказать тебе, господин мой. Если ты меня слушаешь, я удостоверюсь, что ты меня истинно по Богу любишь». Он сказал ей: «Говори, что ты хочешь сказать». Она продолжала: «Ты муж благочестивый и подвизаешься в правде, и я ревную житию твоему; точно, нам лучше жить особо; многие получают от сего пользу. А теперь, когда ты непорочно живешь со мною о Господе, столь великое твое совершенство любомудрия ото всех сокрыто из-за меня; это неблагоприятно». Поблагодарив ее и воздав хвалу Богу, Аммуна говорит ей: «Хорошо ты вздумала, госпожа и сестра моя; если тебе угодно, оставайся ты в этом доме, а я пойду построю себе другое жилище».

Разлучившись с нею, он пошел внутрь Нитрийской горы – на ней в то время не было так много монастырей, – построил себе двухэтажную келью, и, прожив еще двадцать два года в пустыне и достигши высоты подвижнической добродетели, святой Аммуна скончался или, лучше, почил в монашеской жизни шестидесяти двух лет от роду. Со своею супругой виделся он в год два раза.

Когда он жил уже один в Нитрийской горе, рассказывают, принесли к нему скованного цепями отрока, находившегося в бешенстве, которое открылось в нем от укуса бешеной собаки. От несносной боли отрок всего себя искусал до крови. Святой Аммуна, видя родителей его, пришедших просить о сыне, сказал им: «Что вы меня утруждаете, требуя того, что превышает мои силы? У вас в руках готова помощь! Вознаградите вдовицу, у которой вы тайно закололи вола, и отрок ваш будет здоров». Пораженные этими словами, они с радостью исполнили, что было велено. И по молитве Аммуна отрок стал здоров.

Однажды несколько человек пришли к нему, чтобы его видеть. Святой муж, испытывая их, сказал: «Привезите мне одну бочку воды, чтобы у меня ее довольно было для принятия приходящих». Они обещали привезти бочку. Но, выйдя из кельи, один из них стал жалеть, что дал обещание, и говорит другому: «Не хочу губить своего верблюда: он падет, если везти на нем бочку». Услышав это, другой запряг своих ослов и с большим трудом ввез бочку в гору. Аммуна вышел навстречу и спрашивает его: «Отчего это пал верблюд твоего товарища в то самое время, как ты шел сюда?» Тот, возвратившись, действительно увидел, что верблюда растерзали гиены.

Много и других чудес совершил муж сей. О следующем чуде его рассказывает блаженный Афанасий Александрийский в описании жития Антониева. Однажды ему нужно было перейти через реку Ликон с Феодором, учеником своим, а раздеться он стыдился, чтобы не увидеть своей наготы. Находясь в таком раздумье, он вдруг явился на той стороне реки, как бы в исступлении перенесенный Ангелами. Братия же переплыли реку. Когда он пришел к Антонию, то Антоний первый стал ему говорить: «Бог открыл мне многое о тебе и о твоём преставлении возвестил мне. Потому я и приглашал тебя к себе так настоятельно, чтобы, видя друг друга, мы могли взаимно помочь один другому». Он указал ему жилище в одном самом уединенном месте и просил не уходить отсюда до преставления. И когда Аммуна скончался в своем уединении, блаженный Антоний видел, как Ангелы возносили душу его на небо. Такова жизнь и кончина Аммуна. Та река Ликон есть не что иное, как глубокий рукав огромного Нила, и мне даже в лодке страшно было переправляться через нее.

Об

Оре В этой же горе Нитрийской был чудный подвижник по имени Ор. В его монастырях было до тысячи братьев. Вид имел он ангельский. Ему было девяносто лет от роду, но тело его ничего не потеряло: лицо у него было светлое и бодрое, и с первого взгляда оно внушало почтение к себе. Сначала долгое время подвизался он в дальней пустыне, но впоследствии основал монастыри в ближней и на месте болота развел деревья, тогда как тут их совсем не было, так что в пустыне разросся густой лес. Жившие с ним отцы сказывали нам, что там даже и куста не было, когда этот муж пришел сюда из пустыни. Развел он этот лес для того, чтобы братьям, собиравшимся к нему, не было нужды ходить по сторонам за необходимыми припасами; о них он прилагал всякое попечение, молился Богу и сам трудился ради их спасения, дабы у них не было недостатка ни в чем необходимом и чтобы никакого предлога не имели они к нерадению.

Сначала, живя в пустыне, он питался травами и сладкими кореньями, воду пил, когда находил, и все время проводил в молитвах и пении. Когда же достиг глубокой старости, явился ему в пустыне Ангел во сне и сказал: «Ты будешь в язык великий, и великое множество людей будет вверено руководству твоему. Спасется через тебя десять тысяч, и все, сколько ты приобретешь здесь, будут повиноваться тебе в будущем веке. Оставь всякое сомнение, – продолжал Ангел, – в необходимых потребностях не будет у тебя недостатка до самой смерти твоей, когда только ни призовешь Бога».

Выслушав слова сии, он пошел в ближнюю пустыню и, выстроив себе небольшую хижинку, жил в ней сначала один, довольствовался одними овощами, да и тех вкушал в неделю только однажды.

Он был совсем неученый, но по выходе из пустыни в населенное место ему дана была от Бога такая благодать, что он наизусть знал Священное Писание. Когда братья подавали ему Библию, он тотчас начинал читать, как грамотный. Получил он и другую благодать – власть изгонять бесов, так что многие из одержимых ими громко проповедовали о его житии, хотя он и не хотел того. Совершил он много и других исцелений. Поэтому стеклись к нему три тысячи монахов. Видев их, он радостно приветствовал и лобызал их. Сам, своими руками умывал им ноги и потом предлагал поучение.

Изъяснив многие главы из Священного Писания и преподав православное учение о вере, он приглашал их к молитвословию, ибо великим мужам обычно не прежде приступать к плотской трапезе, как уже напитав свои души духовной пищей – эта пища есть принятие Тела Хри-

стова. По приобщении и по принесении Богу славословия, Ор приглашал братьев к трапезе, а сам во время стола предлагал добрые и полезные наставления и беседовал с ними о спасении.

Он славился и своей распорядительностью. Так, множеству монахов, которые собирались к нему, он в один день выстраивал кельи. Для этого он созывал всю наличную братию, и один готовил у него глину, другой – кирпичи, иной черпал воду. Когда кельи были готовы, приходящие получали от него все нужные вещи. Пришел к нему один лжебрат со своим собственным платьем, которое было у него спрятано, и Ор перед всеми обличил его. Оттого никто не смел лгать перед ним, ибо все знали, какую благодать приобрел он себе своей святой жизнью. Сонм монахов, когда они были с ним в церкви, подобен был ликам Ангелов, хвалящих Бога.

Вся братия свидетельствует о его великих добродетелях, а особенно раба Божия Мелания, прежде меня приходившая на эту гору. Сам я не застал его в живых. Рассказывая о великих совершенствах сего мужа, она говорила, что он не лгал и не божился, никого не злословил и без нужды никогда не говорил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.